

«ЧИТАЯ О ПУШКИНЕ, Я ДУМАЛ О ТЕБЕ»:
Отзывы коллег на монографию Ю. М. Лотмана
«Александр Сергеевич Пушкин»
(к 30-летию выхода книги)*

Публикация Б. ЕГОРОВА, Т. КУЗОВКИНОЙ
Комментарии Б. ЕГОРОВА, Т. КУЗОВКИНОЙ,
И. ПИЛЬЩИКОВА

2 октября 1981 г. в ленинградском отделении издательства «Промсвещение» была подписана в печать монография Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся» ([Лотман 1981], далее — «Биография»). В начале 1980-х гг. на нее печатно откликнулись ведущие литературоведы-пушкинисты — Н. Я. Эйдельман, В. Э. Вацуро, Я. А. Гордин, Ю. Н. Чумаков и др. (см.: [Егоров 1994: 229–230]). Книга уже давно признана классикой пушкиноведения, переведена на английский, венгерский, итальянский, литовский, немецкий, польский, чешский, эстонский языки, готовится к печати издание на корейском. В эпистолярном архиве Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц хранятся читательские отклики, краткий обзор которых (см. [Кузовкина]) показал, что наибольшее впечатление книга Ю. М. произвела тем, что в центр повествования поставлена проблема внутреннего единства личности, ее сознательного становления. Опубликованные в обзоре фрагменты писем демонстрируют, что люди, знакомые с Ю. М., восприняли в первую очередь просветительский пафос книги — особый дар автора поднимать читателя до своего профессионального и духовного уровня. Для читателей на первом плане оказывались пушкинские (и лотмановские) мысли о предназначении и достоинстве человека.

---

* Публикуемые письма принадлежат Эстонскому фонду семиотического наследия; в настоящее время они хранятся в Отделе редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета. Работа выполнена при поддержке Эстонского научного фонда (проекты JD171 и MJD84). Публикаторы выражают признательность Д. Э. Кузовкину и М. Ю. Лотману за помощь в подготовке текста.

Настоящая публикация содержит отзывы на «Биографию» ученых-гуманитариев, которым Ю. М. отослал ее первое издание. Среди них выделяется подробная рецензия В. М. Глинки, частично учтенная автором при подготовке второго издания «Биографии». Диалог о книге Ю. М. Лотмана и Б. Ф. Егорова, выделенный нами в отдельный сюжет, начался значительно позже — в 1986 г., после выхода в свет вторых изданий «Биографии» и комментария к «Евгению Онегину» (см. [Лотман 1983а; Лотман 1983б]), на которые Б. Ф. Егоров написал рецензию. Основная мысль рецензента — полемика с теорией сознательного «жизнестроительства» Пушкина, которую, по мысли Егорова, проводил Лотман. В настоящей публикации воспроизводится письмо Б. Ф. Егорова к Ю. М. Лотману, сопровождавшее присылку рецензии, на которую Ю. М. ответил большим письмом от 20–21 октября (опубликовано трижды, см. [Лотман 1994; Лотман 1995: 388–390; Лотман 1997: 346–350]). Ю. М. с уважением отнесся к мнению Б. Ф. и просил ничего не менять в рецензии, но решительно не согласился с тем, как Б. Ф. понял замысел его книги. Ю. М. писал, что для него принципиально было написать биографию Пушкина, показывающую «внутреннее психологическое единство, обусловленное единством личности, в том числе ее воли, интеллекта, самосознания». Пушкин, по Лотману, видел в жизни черты искусства и все, к чему ни касался, «превращал в творчество» [Лотман 1994: 227].

В публикуемом ответном письме от 8 ноября 1986 г. Б. Ф. принял некоторые аргументы Ю. М., но не изменил своей точки зрения на концепцию в целом. Свою рецензию Егоров отослал в редакцию журнала «Русская литература», надеясь, что она появится в 1987 г. к 65-летию Лотмана. Редакция отдала рецензию на отзыв Г. М. Фридендеру, который счел ее недостаточно марксистской и предложил свое соавторство (пообещав исправить и дополнить текст), на что Б. Ф. не согласился и попросил вернуть рукопись. После кончины Ю. М. главный редактор «Русской литературы» Н. Н. Скатов предложил Б. Ф. опубликовать в журнале какие-либо материалы памяти Лотмана, и тот подготовил к публикации «зарезанную» рецензию и письмо Ю. М. от 20–21 октября 1986 г. [Егоров 1994]. Продолжение диалога с лотмановской точкой зрения находим в предисловии Б. Ф. Егорова к тому работ Ю. М. Лотмана о Пушкине, вышедшему в издательстве «Искусство-СПБ» (см. [Лотман 1995: 13–17]).

I.

1. С. А. Рейсер — Ю. М. Лотману¹

Ленинград. I. I. 1982

Дорогой Юрий Михайлович, искренне поздравляю Зару Григорьевну, Вас и все Ваше (так распространившееся) семейство с Новым годом. Да пошлет Вам год Собаки всякого счастья и благополучия.

Вы доставили мне огромное удовольствие, прислав вашу новую книгу: впрочем, не скрою, что я уже несколько дней назад получил ее экземпляр от одного товарища: этот экземпляр найдет должное применение.

Ваша книга поразительно интересна. Никакая это не биография и никакой учащийся ее не поймет — это великолепное исследование о Пушкине в культуре эпохи, о судьбах и перспективах развития и т.д. При внимательном чтении я ни за что «ямпольское» не смог уцепиться² — есть два-три стилистических огреха, две-три технических неполадки (на с. 49 и 110).

Как хорошо Вы определили характер любви молодого Пушкина к Карамзиной: лишенный материнской ласки П<ушки>н тянулся к ней, видимо, всю жизнь. Припоминаю, что Тынянов всегда очень обижался, когда с ним в этом вопросе не соглашались (впрочем, он вообще не любил, когда с ним не соглашались. Каверин создает не жизнь, а житие³ — Ю<рий>

¹ Ф. 135. Ед. хр. 1206. Л. 54. Без конверта. Машинопись, рукопись. В эпистолярном архиве Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц хранятся 49 писем, открыток и телеграмм Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989), относящихся к 1960–1989 гг.

² Обыгрывается фамилия Исаака Григорьевича Ямпольского (1902 [н. ст. 1903]–1991), «ведущего специалиста по истории русской литературы середины XIX века, столько времени и труда уделившего выявлению ошибок, небрежностей и элементарного невежества в филологических писаниях» [Лавров: 256].

³ Речь идет о мемуарах В. А. Каверина (1902–1989), опубликованных в составленном им сборнике воспоминаний о Ю. Н. Тынянове в серии ЖЗЛ [Каверин].

Николаевич> был человек сложный). Однажды, когда Тын<янов> доказывал свою правоту — «невинный мальчик влюбился» и пр., Томашевский отрезал: этот невинный мальчик к этому времени был уже болен триппером!

Замечательно смело и точно Вы развеяли легенду о дворцовом заговоре во главе с Николаем I: эта спекуляция до сих пор очень в ходу — она<, > т<ак> ск<азать,> выигрышна и конъюнктурна — царь погубил поэта и пр. Эту спекуляцию пустили Щеголев и Казанский⁴, друг у друга отбивая приоритет — я это хорошо помню. Написанное Вами прочитают шестьсот тысяч раз, умноженное на число читателей каждой книги! (Кстати: я уверен, что никакого указания из Зимнего дворца о Лермонтове тоже не было, а даже умная Герштейн пишет в этом роде⁵. Жаль, что нельзя написать специальную статью на эту тему — не напечатают, а только обругают).

Скажу Вам больше (только для Вас!): я не знаю, как бы я голосовал, если бы был в числе присяжных, а Дантес на скамье подсудимых. Он вел себя неумно, но вся вина его в том, что «не мог понять в тот миг ужасный на что он руку подымал»⁶. Но на дуэли он вел себя вполне достойно: влюбился, сделал предложение сестре (в приказ Николая I я плохо верю), вызвал, когда его грубо оскорбили (не мог не вызвать!), не трусил под дулом более опытного дуэлянта (для П<ушки>на это, вероятно, десятая дуэль). Ведь шансы были равны — и П<ушки>н мог и хотел его убить — что тогда? Далее: откуда ему, недавно приехавшему в Россию, не знавшему русского языка, никогда не читавшему Пушкина, туповатому ловеласу и

⁴ Имеются в виду работы П. Е. Щеголева (1877–1931) и Б. В. Казанского (1889–1962): [Щеголев 1916; 1928], [Казанский 1928; Казанский 1937а; Казанский 1937б] и др.

⁵ В книге Э. Г. Герштейн (1903–2002) «Судьба Лермонтова» [Герштейн] опровергалась концепция дуэли Н. С. Мартынова с М. Ю. Лермонтовым как «рядовой офицерской дуэли» и основное внимание было уделено конфликту между Лермонтовым и придворными кругами.

⁶ Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

амбивалентному педерасту<,> знать — «на что он руку подымал!»! Его еще принято поливать грязью за его деятельность в 1860-х гг. (Недавно Эрнст Генри упражнялся на эту тему⁷). Не согласен я с Вами (с. 245), что он покинул Россию, окруженный общим презрением. А вскоре (за-границей) Карамзины его принимали. Это очень важно. По-видимому, в обществе так и считали: шансы были равны, Дантес действовал в пределах некоей «нормы». Эмоционально он «в царевийцы заклеямен», но с точки зрения обычного права — едва ли.

Вот как я разболтался. Извините. Повторяю — это все лишь для Вас: мне отрубят голову за эти мысли.

Будьте здоровы и пишите дальше.

Всегда Ваш

С. Рейсер

P. S. Когда-то (давно) мне рассказали, что Шкловский и Маяковский как->то поссорились из-за какой-то женщины. Шкл<овский> вызвал Маяк<овского> на дуэль. Шкл<овский> явился, — положил револьвер со словами — «я не хочу быть вторым Дантесом»⁸. Он->то знал, «на что он руку подымал!».

<Далее рукой М. М. Штерн. — Б. Е., Т. К.> Присоединяюсь к пожеланиям и поздравлениям Сол<омона> Абр<амовича> в наступающем Новом Году и пользуюсь случаем выразить Вам, дорогой Юрий Михайлович, глубокую благодарность за

⁷ Эрнст Генри — псевдоним разведчика, писателя и журналиста Семена Николаевича Ростовского (1904–1993). Имеется в виду его статья «Вторая часть жизни мерзавца» [Генри].

⁸ По всей видимости, речь идет о несостоявшейся дуэли между Виктором Борисовичем Шкловским (1893–1984) и Велимиром Хлебниковым (а не Маяковским). См. запись в дневнике Хлебникова от 30 ноября 1913 г.: «Шкловский: “Я не могу вас убить на дуэли, убили Пушкина, убили Лермонтова, и ей, что это, скажут, в России обычай <...> я не могу быть Дантесом”» [Хлебников: 327]; подробнее см. [Парнис: 641–643].

доставленное наслаждение обеими (такими разными!) книгами о Пушкине⁹. Спасибо! Привет сердечный Вам обоим.

Ваша М — ¹⁰

2. Д. Д. Благой — Ю. М. Лотману¹¹

<1982>

Дорогой Юрий Михайлович,

сердечное спасибо за присылку Вашей биографии Пушкина для издательства «Просвещение». Пока я успел прочесть всего несколько глав. Книга написана живо, интересно, увлекательно, Вами привлечено много новых интересных данных, тонких замечаний.

Полагаю, что она заинтересует, но не только школьников старших классов, для которых она предназначена, как пособие, но которым <sic!> едва ли в ней все будет правильно понято, а скорее взрослых читателей и почитателей Пушкина. Но беды в этом особой нет.

Еще раз поздравляю Вас с новым талантливym трудом.

Дружески Ваш

Д. Благой

P. S. Попалась ли Вам на глаза моя довольно пространная, но по газетному вдвое сокращенная в «Литературной России» статья «Лампада чистая любви», и как она Вам показалась?¹²

⁹ Вторая книга о Пушкине [Лотман 1980].

¹⁰ Мальвина Мироновна Штерн (1903–1992) — жена С. А. Рейсера.

¹¹ Ф. 135. Ед. хр. 158. Л. 6. Без конверта. Машинопись. Датируется по содержанию. В эпистолярном архиве Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц хранится 3 письма 1979–1982 гг. Дмитрия Дмитриевича Благого (1893–1984).

¹² См. [Благой]. Откликов Ю. М. на эту статью не обнаружено.

3. Мирослав Дрозда — Ю. М. Лотману¹³

Прага. 7 февраля 1982 г.

Дорогой друг,

я только что прочел твою новую книгу о Пушкине. Я читал ее с чувством глубокого удовлетворения и радости. Твой рассказ о жизни Пушкина при условиях, какие выпали на долю русского поэта, раскрыл передо мною не только внутренние движущие силы его борьбы, но и философию и этику гениальной творческой личности как таковой.

Читая о Пушкине, я постоянно думал о тебе, о твоей творческой, мужественной работе, о неиссякаемом источнике жизнерадостного внимания ко всему живому вокруг тебя, о твоей доброте и о твоём глубоком укоренении в родной русской культуре, которое ты сумел превратить в раскрытие общечеловеческого смысла национальной творческой памяти. Я читал отдельные страницы твоей книги жене и детям<,> и мы все вспоминали не только о тебе, но и о Заре Григорьевне и о ваших детях и внуках, без которых — при всех трудностях современного быта — жизни нехватало бы <sic!> именно той

---

¹³ Ф. 135. Ед. хр. 463. Л. 57. Без конверта. Машинопись. Фрагмент письма публиковался ранее [Кузовкина: 38–39]. Мирослав Дрозда (Drozda, 1924–1990) — чешский литературовед, с 1948 г. работал в Карловом университете в Праге, в 1964–1968 гг. — профессор, заведующий кафедрой русской и советской литературы. Ю. М. Лотман и З. Г. Минц познакомились с ним в 1967 г., во время своей первой поездки в Чехословакию. К 60-летию М. Дрозды за пределами Чехословакии был издан сборник, в котором Ю. М. опубликовал статью в форме дружеского письма, начинающуюся словами «Дорогой друг!..» и посвященную анализу стихотворения Б. Пастернака «Дрозды» (Лотман 1984). На смерть М. Дрозды З. Г. Минц и Ю. М. Лотман откликнулись некрологом [Минц, Лотман]. О близости М. Дрозды с Лотманом свидетельствует обращение на «ты» (для Ю. М., кроме друзей детства, это был редкий случай). В эпистолярном архиве Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц хранятся 65 писем и открыток от М. Дрозды 1967–1990 гг.

полноты, которая вдохновляет тебя даже в самой «академической» работе.

Сказав, что я горжусь правом называться твоим другом, я бы неточно выразил свое отношение к тебе: твое «дружество», как сказали бы в «твоем, XVIII, веке» стало для меня ободряющей поддержкой именно в такое время, когда мне пришлось заново обосновать свою работу вне рамок прежнего стажа и когда самый, говоря возвышенно, смысл жизни предстал в обличье<,> лишенном обманчивых примет внешнего признания¹⁴. Твоя дружба и дружба Зары Григорьевны, так же как и взаимопонимание с моей семьей и с несколькими другими друзьями, стали для меня не то что предметом гордости, а просто хлебом насущным.

И если мне иногда думается, что в моих работах последних лет, может быть, заметен отпечаток какой-то зрелости, то в числе ее источников нужно назвать и пример твоей личности и твоей научной позиции.

Когда-то я написал статью о «тартуской школе»¹⁵. Настоящее мое поздравление тебе, дорогой друг, по случаю твоего шестидесятилетия, задумано и как «прошение на имя» главы этой школы о принятии нижеподписавшегося в разряд ее заочных ассистентов (или ассистентов-корреспондентов?).

Желаю тебе здоровья и благополучия в семье! Пусть и впредь продолжает окружать и ободрять тебя любовь твоих близких и друзей в твоей глубоко человеческой работе!

Твой *Mirek*

---

¹⁴ В 1968 г., после оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора, М. Дрозда был изгнан из Карлова университета, лишен возможности работать по специальности и печататься под своим именем в Чехословакии. Он вернулся на кафедру только через 20 лет — за год до смерти, в конце 1989 г., после так называемой «бархатной революции».

¹⁵ М. Дрозда был автором первой статьи о «тартуской школе» [Drozda].

4. В. М. Глинка — Ю. М. Лотману¹⁶

Репино 12/II 82 г.

Дорогой Юрий Михайлович! Для окончательного (по возможности) суждения прочел Вашу книгу по второму разу. Впечатление только усилилось. Такой зрелой книги о писателе я не знаю. Конечно<, > я плохо образован, и может быть о Шекспире или Байроне подобные работы есть в их отечестве. Но о русском самом мной любимом (после Пушкина), т. е. о Чехове, я подобной книги, увы, не знаю. И уж видно её не прочту, если кто напишет. Не знаю подобных и о втором ряде мной любимых — Лермонтове и Толстом. И так далее по степени близости мне. Словом, Ваша книга — большой праздник. Вы с предельной точностью отобрали самое главное, самое существенное в жизни и творчестве Пушкина, слив это в неразрывную и очень ясную картину, да ещё рассказали свое видение этого таким отменным языком, что эта книга должна стать настольной для тех, кто хочет узнать и понять главное в Пушкине. Пусть каждому честному читателю, как мне в 79 лет, станет иногда стыдно, что постоянно с любовью и восхищением читая Пушкина и о нем, не дошел до осмысления такой степени неразрывной связи жизни с творчеством любимейшего из поэтов, с какой сделали это Вы. Но это радостный стыд открытия нового, небывало зрелого и, на первый взгляд, как будто простого слова, слова, которого до Вас однако никто так ясно и последовательно не сказал. Вот какую книгу Вы написали, пошли Вам Бог здоровья и сил на возможно долгие для творчества сроки.

---

¹⁶ Ф. 135. Ед. хр. 346. Л. 65–66. Без конверта. Машинопись, рукопись. Первые два абзаца были опубликованы ранее [Кузовкина: 35–36]. Владислав Михайлович Глинка (1903–1983) — историк, писатель, в 1944–1963 гг. главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, знаток быта пушкинской эпохи. В эпистолярном архиве Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц хранятся его письма и открытки (общим числом 51) за 1970–1982 гг.

После этого будто даже не гоже <sic!> соваться к Вам с мелочными придирками. Однако, если будет выходить следующее издание, то может быть они Вам пригодятся¹⁷. Племя придир не переведется со мной. Да и Вы об этом просили.

Итак:

Стр. 14 низ. П. П. Коновницын был не только «честный вояка и патриот»¹⁸. Полагаю, что в его семье бродили-таки «либеральные идеи». Сын-то декабрист¹⁹, а дочка — «декабристка» — жена М. М. Нарышкина²⁰.

Стр. 36 верх. Наверяд ли можно ставить в одну строку с А. Орловым и Киселевым А. И. Чернышева — редкостного прохвоста, шпиона при Наполеоне, патологического хвастуна в 1812–14 г. и, главное, следователя и судью по делу декабристов, нарочно искавшего факты, чтобы добиться осуждения Захара Чернышева²¹ и получит<ь> его майорат. Это одна из

---

¹⁷ Во втором издании «Биографии» была разрешена только минимальная правка. Ю. М. учел четыре замечания В. М. Глинки (см. примечания 23, 27, 28, 30).

¹⁸ Ю. М. приводит письменное наставление Петра Петровича Коновницына (1764–1822) великим князьям, сопровождая его следующей характеристикой генерала: «В 1816 году человек, далекий от либеральных идей, но честный вояка и патриот, генерал П. П. Коновницын» [Лотман 1981: 14]. Во втором издании этот фрагмент оставлен без изменений.

¹⁹ Декабристами были два сына П. П. Коновницына: Петр Петрович Коновницын 1-й (1803–1830) состоял в Северном тайном обществе, осужден по девятому разряду; Иван Петрович Коновницын 2-й (1806–1867 или 1871) был арестован и направлен в другое место службы под надзором.

²⁰ Замужем за декабристом Михаилом Михайловичем Нарышкиным (1798–1863) была Елизавета Петровна Нарышкина (урожд. Коновницына, 1802–1867).

²¹ Захар Григорьевич Чернышев (1797–1862) деятельного участия в тайном обществе не принимал, однако был признан виновным, приговорен к каторге и тюрьме. Титул и все права были ему возвращены в 1856 г.

наиболее подлых личностей среди приближенных Александра и Николая Павловичей²².

Стр. 48. Васильчиков не был военным министром, а с 1817 до 1821 гг. командовал гвардейским корпусом²³.

Стр. 58. Не вернее ли, что с Н. Н. Раевским-младшим Пушкина познакомили его приятели лейб-гусары?²⁴

Стр. 62. Раевскому-отцу тяжело далась в 1826 году не только судьба М. Н. Волконской, но также арест Орлова и его ссылка, арест сыновей, служебное продвижение которых было нарушено²⁵.

²² Ю. М. перечисляет «светских львов», с которыми общался Пушкин в Петербурге в 1817–1820 гг.: Алексея Федоровича Орлова (1786–1861), Павла Дмитриевича Киселева (1788–1872) и Александра Ивановича Чернышева (1786–1857), давая им обобщенную характеристику: «Все они, в духе деятелей александровского времени, не чуждались “законно-свободных” идей, все трое сделали потом преуспевающими бюрократами» [Лотман 1981: 36].

²³ Во втором издании «Биографии» Ю. М. использовал замечание В. М. Глинки и во фрагменте о Чаадаеве исправил «был адъютантом военного министра Васильчикова» [Лотман 1981: 48] на: «был адъютантом командира гв. корпуса Васильчикова» [Лотман 1983а: 48].

²⁴ Речь идет о следующем, оставленном без исправлений тексте: «С Раевским Пушкин познакомился, видимо, через Жуковского, а с его сыном, Николаем Николаевичем “младшим”, дружески сошелся еще в Петербурге» [Лотман 1981: 58].

²⁵ Замечание В. М. Глинки дополняет лотмановскую фразу: «То, что ждало эту семью в будущем: горечь неудавшейся жизни баловня семьи старшего сына Александра, героическая и трагическая судьба Марии Николаевны, смерть самого генерала Раевского, не выпустившего до последней минуты из рук портрета уехавшей за мужем-декабристом в Сибирь дочери — все это и отдаленно не приходило в голову участникам веселой кавалькады» [Лотман 1981: 62].

Стр. 65, середина, справа. Нельзя ли заменить одно из слов «перенаселенный» и «поселение»²⁶. И еще дальше вставить «штаб» дивизии Орлова²⁷.

Стр. 88. «Строительство характера» меня смущает. В этом слове есть привкус техники, расчета, математики. А тут хоть и сознательное, продуманное формирование, но не «строительство». Да и слово это так затаскано²⁸.

Стр. 101. Почти рядом об А. Н. Раевском сказано, что ему «не хватало ума» и «а он был умен». Не лучше ли: «а он ею (т.е. посредственностью В. Г.) не был»²⁹.

Стр. 104. Зачем же одного М. Ф. Орлова лишили отчества?³⁰

²⁶ Речь идет об оставленном без исправлений описании Кишинева времени пребывания в нем Пушкина: «<...> город был в эти годы сильно перенаселен: будучи, в сущности, небольшим поселением, он был забит чиновниками русской администрации» [Лотман 1981: 65].

²⁷ Продолжая описывать, кем «был забит» Кишинев, Ю. М. исправил «солдатами и офицерами стоящей в нем дивизии М. Орлова» [Лотман 1981: 65] на: «солдатами и офицерами стоящего в нем штаба дивизии М. Орлова» [Лотман 1983а: 65].

²⁸ Ю. М. принял замечания В. М. Глинки и внес исправление в свой комментарий к письму Пушкина брату Льву (осень 1822 г.): «Эти горькие строки говорят не только о большом и тяжелом жизненном опыте, но и о навыке строгого самоанализа и сознательном строительстве своего характера, устранении из него всего, что не соответствовало обдуманной норме поведения» [Лотман 1981: 88]. Во втором издании вместо слов «сознательном строительстве своего характера» читаем: «сознательной лепке своего характера» [Лотман 1983а: 88].

²⁹ Речь идет о следующей, оставленной без исправлений, характеристике Александра Николаевича Раевского (1795–1868): «Затем наступило горькое разочарование: не хватало ума, силы характера и смелости, чтобы избрать себе любой из возможных неофициальных путей, официальные же жизненные дороги он презирал. Оказавшись на положении посредственности (а он был умен и посредственностью не был), он озлобился» [Лотман 1981: 101].

³⁰ Во втором издании Ю. М. вставил инициалы Михаила Федоровича Орлова (1788–1842) в перечень лиц, за которыми шпионил

Стр. 115. Существует отдельное, более полное издание «Роман декабриста Каховского», того же 1926 г.³¹ Это так, к слову. Но пример предельно убедительный.

Стр. 118. Значит, Вы не считаете верным предположение Гейченки³², что Пушкин гостил не в большом доме, слишком холодном зимой, а во флигеле, стоявшем справа от его дворового фасада и восстановленном теперь по старому фундаменту³³.

Стр. 128. В первом упоминании П. А. Осиповой нужно ли слово «тригорская». Без него кажется лучше. И внизу той же страницы: думаю, что правильнее не «стройнее», а «тоньше». Можно иметь тонкую, но не стройную талию, и можно иметь стройную, но не тонкую³⁴.

Стр. 132. Не следует ли привести всю короткую поговорку, ныне забытую: «Маремьяна-старица обо всех печалится»³⁵.

Стр. 134. Можно ли говорить, что Александр I был «мстительным гонителем Пушкина»? Экая месть — сослать на службу на юг России, а потом в свое же поместье!³⁶

И. О. Витт: «<...> А. Н. и Н. Н. Раевскими, М. Ф. Орловым, В. Л. Давыдовым <...>» (ср. [Лотман 1981: 104] и [Лотман 1983а: 104]).

³¹ Более полного издания работы Б. Л. Модзалевского о Каховском, чем то, на которое ссылается Ю. М. [Модзалевский], насколько нам известно, не существует.

³² Семен Степанович Гейченко (1903–1993) — директор мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

³³ О какой работе Гейченко идет речь, неясно. Однако Ю. М. не пишет, где останавливался лицейский товарищ Пушкина Иван Иванович Пушин (1798–1859), а только приводит его свидетельство, что Пушкин зимой не пользовался залой и стоявшим там бильярдом [Лотман 1981: 118].

³⁴ Ю. М. оставил без изменений первое упоминание Прасковьи Александровны Осиповой (1781–1859) как «соседней тригорской помещицы» и описание того, как Пушкин «мерился поясами — чья талия стройнее» с Евпраксией Николаевной Вульф [Лотман 1983а: 128].

³⁵ Комментарий (не учтенный Ю. М.) к описанию поведения И. И. Пушина в Сибири, где друзья называли его «за постоянную заботу о других» Маремьяной-старицей [Лотман 1983а: 132].

Стр. 134 низ. А казнь казачьих офицеров Грузиновых при Павле I?³⁷

Стр. 140. Аракчеев был совершенно грамотен и хорошо знал математику, потребную артиллерийскому офицеру, но кичился отсутствием протекции в своей службе и демонстративно третировал родовитых бар³⁸.

Стр. 148 (и еще где-то) Формулировка «турецкий фронт» не подходит для 1828 г. Фронт — это твердая линия обороны, термин XX века. От нее можно отступить, на нее наступать, ее можно стремиться прорвать. А для войны того времени это негоже. Ехали «воевать», «на войну», «сражаться», «понюхать пороху», «испытать себя» и т. д.³⁹

Стр. 152. Грубость языка Скобелева, которой он щеголял, во многом определялась тем, что он был из «сдаточных», т. е. из солдат, без малейшего образования, кроме грамоты⁴⁰.

³⁶ Характеристику Александра I Ю. М. не изменил [Лотман 1983а: 134].

³⁷ Возражение В. М. Глинки на оставленное без изменений утверждение Ю. М.: «В России со времен Елизаветы Петровны смертная казнь была уничтожена. Существовали, конечно, исключения (Пугачев, Мирович), однако за все прошедшее в XIX веке время не было ни одного смертного приговора (не шли в счет засекаемые насмерть солдаты и военные поселенцы, поскольку их формально не приговаривали к смерти, во-первых, и они не были дворянами и как бы “не считались”, во-вторых)» [Лотман 1983а: 134]. Братья Евграф и Петр Осиповичи Грузиновы, казачьи офицеры, тоже были приговорены Павлом I к наказанию кнутом; во время наказания один из братьев умер (см. [Карасев 1873: 574, 575; 1878: 262]).

³⁸ Ю. М. оставил без изменений описание Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834): «Аракчеев был неопрятен в одежде, подчеркнуто груб, кичился своей малограмотностью» [Лотман 1983а: 140].

³⁹ Ю. М. оставил без изменений фразу: «В 1828 году — ряд неудачных попыток уехать в длительное путешествие: просьбы разрешить ему поездку в действующую армию на турецкий фронт, за границу — в Европу, в Азию — встречают отказы» [Лотман 1983а: 148].

⁴⁰ Комментарий В. М. Глинки к цитируемым Ю. М. Лотманом словам генерала Ивана Никитича Скобелева (1778–1849) о Пушкине,

Стр. 154. «Быть шпионом стало не стыдно, а выгодно». Думаю, что противопоставление нравственной категории и материальной неудачно. Не лучше ли «и выгодно»?⁴¹

Стр. 155. Неудачным кажется, что сразу после упоминания о встрече с «телом убитого в Персии Грибоедова», Вы говорите, что новые впечатления «веселили Пушкина».

Стр. 166. Думаю, что Грибоедов ни на минуту не верил в «чувство благородной гордости» Булгарина⁴². Это было не более, как⁴³ (Может я переврал правописание? Тогда извините.)

Стр. 173. Не сильно ли сказано, что декабристы «были кошмаром Николая I до конца его дней». Уже в 1840-х годах тюрьма Петровского завода обезлюдела, и оставшиеся в Сибири занимались хозяйством, торговлей, а богатые жили в полном комфорте, женили и выдавали замуж детей, сыновья служили на государственной службе и т.д. Сын Волконских — чиновник особых поручений при губернаторе.

Стр. 186. Не вернее ли сказать: «смуты совпадали с эпидемиями». Для нарушения неустойчивого равновесия достаточно

сказанным в 1824 г.: «Не лучше ли бы было оному Пушкину <...> запретить издавать развратные стихотворения?.. Если бы сочинитель вредных пасквилей немедленно, в награду, лишился нескольких клочков шкуры, было бы лучше» [Лотман 1981: 152].

⁴¹ Стилистическое замечание В. М. Глинки к лотмановской характеристике ситуации, сложившейся после неудачи декабрьского восстания.

⁴² Ю. М. цитирует письмо Грибоедова Булгарину от октября 1824 г., когда Грибоедов, обиженный грубой лестью Булгарина в свой адрес, писал, что разрывает с ним всяческие отношения: «Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается», и далее замечает: «Вопреки мнению Грибоедова, в Булгарине не было “благородной гордости”» [Лотман 1983а: 165–166].

⁴³ В машинописи пропуск, на месте которого, судя по контексту, предполагалось вписать одно-два слова на иностранном языке.

было толчка повальной болезни. Недоверие к правительству перерастало в бунт⁴⁴.

Стр. 198. Точно ли известно, что Нат<алья> Ник<олаевна> была выше Пушкина ростом? Не казалась ли она такой рядом с ним благодаря прическе? Когда Ульянов⁴⁵ приходил ко мне насчет мундира камер-юнкера для своей картины, то он не был уверен в этом, но хотел этого «для впечатления».

Стр. 211. Обязанность камергеров и камер-юнкеров являться ко двору распространялась на тех, кто находился в Петербурге. Многие же, носившие эти звания<,> жили (или служили) постоянно в далекой провинции и весьма редко бывали в столицах. Уехав в Михайловское, Пушкин не перестал бы числиться камер-юнкером. Вопрос о возрасте камер-юнкеров определен чином до VI класса включительно. Может быть, вместе с Пушкиным были «пожалованы» одни юнцы, но в списке камер-юнкеров одновременно с ним в 1835–36 гг. я видел несколько чиновников, занимавших заметные места, вплоть до вице-губернаторов, и по возрасту никак не моложе Пушкина⁴⁶. Одним словом, как с Воронцовым: — «Он видел во мне...» и т.д.⁴⁷

⁴⁴ Ю. М. пишет: «Эпидемии в истории России часто совпадали со смутами и народным движением» [Лотман 1981: 186].

⁴⁵ Художник Николай Павлович Ульянов (1875–1949), автор картины «Пушкин с женой перед зеркалом» (1937; Институт русской литературы РАН, С.-Петербург), на которой Наталья Николаевна изображена на голову выше Пушкина.

⁴⁶ В. М. полемизирует с тем фрагментом «Биографии», где Ю. М. говорит о получении Пушкиным чина камер-юнкера: «Пушкин оказался прикованным к Петербургу и двору. Отныне он был обязан являться на все официальные церемонии в придворном мундире, выслушивать поучения не только Бенкендорфа, но и обер-камергера двора графа Литта», и «по существу это было оскорбление: камер-юнкеры все были почти мальчики по возрасту» [Лотман 1981: 211].

⁴⁷ Отрывок из письма Пушкина А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. о Михаиле Семеновиче Воронцове (1782–1856): «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне кол-

Стр. 230. Может быть следовало бы назвать и Ермолова рядом с Орловым и Чаадаевым. Или возраст не тот? Но он был немногим старше М. Ф. Орлова⁴⁸.

Стр. 247. Пушкин сам изобразил себя на коне в бурке и цилиндре («круглой шляпе»), как тогда называли в отличие от двууголок, носимых при мундирах⁴⁹.

Стр. 250. Можно ли сказать, что Святые горы «под Псковом»? Ведь, поди, больше ста верст до них, <далее от руки. — Б. Е., Т. К.> они в другом уезде⁵⁰.

Наконец, хочу к этому деловому, в главной части, письму добавить выражение самой сердечной благодарности за сказанные Вами слова похвалы показу Пушкина через виденье моего дворцового гренадера⁵¹. Поверьте, я очень боялся сделать это бестактно, вульгаризировать или опростить образ

лежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» [Пушкин, 13: 103].

⁴⁸ Комментарий В. М. к следующему фрагменту «Биографии»: «Творческое сверкание пушкинской личности не встречало отклика в среде и эпохе. <...> Пушкин не был способен застыть в том “неучастии”, которое в этих условиях единственно могло помочь сохранить хотя бы остатки внутренней свободы и которое сделалось невольным уделом М. Орлова или Чаадаева после объявления его сумасшедшим» [Лотман 1981: 230].

⁴⁹ В. М. вносит поправку в лотмановское описание Пушкина во время Эрзрумского похода. «Пушкин любил бой. <...> Политическая конспирация декабристов и порыв, бросивший его в кучу сражающихся во время Эрзрумского похода (верхом, во фраке и цилиндре!), пыл журнальной полемики, азарт карточной игры, хладнокровная смелость у барьера на поле чести — все имело общий психологический корень: “Есть упоение в бою...”» [Лотман 1981: 247].

⁵⁰ Комментарий к фразе Ю. М.: «Тело поэта по личному приказу царя тайком было перевезено в Святые Горы под Псковом, где предано земле безо всяких почестей» [Лотман 1981: 250].

⁵¹ Очевидно, речь идет об эпистолярном отклике Ю. М. на исторический роман В. М. Глинки «Судьба дворцового гренадера» (М., 1979).

Пушкина. Но ведь и не видеть поэта-камерюнкера, стоя на часах или дежуря в залах Зимнего дворца<,> мой герой не мог. А в 1827–34 гг.<,> живя в казарме в Шепелевском доме, где квартировал и Жуковский, которого во дворце все знали и к которому часто хаживал Пушкин — тоже как это не заметить? Ведь не рядовой был барин — и статью<,> и смехом<,> и особенной живостью. Еще раз спасибо вам за доброе слово. Прошу передать низкий поклон Заре Григорьевне от Натальи Ивановны⁵² и меня.

Ваш В. Глинка

II

1. Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману⁵³

10.X.86

Дорогой ЮрМих!

Расписался я до 16 стр.! Разошелся с критикой, уж извините (мне<,> в самом деле, как я уже и говорил Вам, очень не по душе идея Ваша о пушкинском сознательном жизнестроительстве — потому и спорю). Из-за этого спора, увы, меньше использовал Ваши материалы и меньше сказал, чем хотел бы, о великих достоинствах книг. Но все же главное написал...

Жду Вашего возвращения — ничего не знаю ни о Норвегии, ни о Харькове⁵⁴ — что там?

⁵² Наталья Ивановна Глинка (урожд. Васильева, 1923–2001) — третья жена В. М. Глинки.

⁵³ Ф. 135. Ед. хр. 481. Л. 75. Без конверта. Рукопись. Письмо прилагалось к машинописной копии рецензии Б. Ф. на «Биографию».

⁵⁴ См. письмо Ю. М. Лотмана к Б. Ф. Егорову от 20–21 октября 1986 г., в котором он делится впечатлениями о своих поездках в Норвегию и в Харьков [Лотман 1997: 349].

А я лечу в Одессу на Алексеевские чтения⁵⁵.
Приветы и поцелуи!

Ваш Б. Е.

Достоинo, по-человечески хоронили светлого Макогоненко⁵⁶.

2. Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману⁵⁷

8 ноября 1986 г.

Дорогой мой ЮрМих, наконец, я нашел время и место ответить Вам на замечательное письмо. (Пишу на даче в праздники). Совестьo возлагать на Вас разбор каракуль, поэтому впервые пытаюсь думать прямо на машинке.

Наверное, на метауровне мы почти без остатка договорились бы. Но на обычном есть несколько недоразумений. Абсолютно согласен с пафосом борьбы против рока и обстоятельств. Фатальный детерминизм нам обоим чужд, барахтаться в любом молоке (даже искусственном и разведенном) до полного выживания — надеюсь, наш общий девиз. Тем более, когда тебя или Пушкина жизнь хватает за шиворот: тут в са-

---

⁵⁵ Ю. М. еще в середине 1960-х гг. познакомился с видным одесским историком Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым (1912–1982) и познакомил с ним своих друзей. Коллеги учебного по Одесскому университету устраивали конференции его памяти.

⁵⁶ Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) — ученик Г. А. Гуковского, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы Ленинградского государственного университета с 1965 по 1982 г. Умер он 3 октября 1986 г., тяжело заболев после снятия его с поста зав. кафедрой. Похороны были дня через два, панихида состоялась на факультете (у всех осталось в памяти, как ломали наружную дверь — гроб не проходил), хоронили на кладбище в поселке Комарово, под Ленинградом. Присутствовали в основном факультетские коллеги, аспиранты, студенты.

⁵⁷ Ф. 135. Ед. хр. 481. Л. 77–77 об. Машинопись. Адрес на конверте: «202400 Тарту, Эстония Бурденко 63–6 Юрию Михайловичу Лотману». Обратный адрес: «Вырица, Б. Егоров». Ленинградский почтовый штемпель: 10.11.86, почтовый штемпель Тарту: 15.11.86.

мом деле будут и волевые импульсы, и жизнестроительство. Могу еще согласиться, что и ряд не вынуждаемых обстоятельствами актов человек может совершать сознательно-волевыми поступками.

Но широта этого ряда у разных лиц различна. Полагаю, что Чехов, например, почти все в своей жизни «строил». А относительно Пушкина сомневаюсь. Есть люди вообще анти-строители: Ап. Григорьев, стихийно отдающийся жизни. Женское в общем-то начало... Пушкин, наверное, где-то посередине: что-то строил, чему-то отдавался... А у Вас вроде как всю жизнь шел по волевым импульсам.

Превращение же всего в творчество, представление о поэзии жизни, мне кажется, немного из другого плана-аспекта: это тоже может быть совершенно стихийно, как, скажем, стихийно магнит намагничивает все железное, что ему подвергается. Или пример, близкий мне. Соня⁵⁸ лишь в последние годы обнаружила, что она благотворно влияет на растения, которые выращивает; а есть люди, от которых, увы, растения вянут. Наверное, можно и сознательно поэтизировать жизнь, как и сознательно воздействовать на растения, но как бы это не помешало естественности и органичности.

Теперь о Вашей фразе «Пушкин мне видится победителем, счастливецом, а не мучеником»⁵⁹ — она мне особенно чужда. А насчет «трагедии силы» — полностью согласен. Да, трагедия сильного человека. Но не могу видеть в трагедии победу и счастье. Трагедия человеческих конфликтов в редчайших случаях связана с обоюдно возвышенными, благородными поступками, это хорошо для античного или классицистского театра, а не для реальной жизни XIX, да и XX века. Происходит в этой реальности в большей или меньшей степени замарывание в дерьмо или пусть хотя бы в жуть убийства. Пушкин уже достаточно загрязнился из-за Дантеса и письма о рога носце —

---

⁵⁸ Соня — Софья Александровна Николаева (1924–2008), жена Б. Ф. Егорова, химик.

⁵⁹ См. [Лотман 1994: 234].

и уже это не победа и не счастье, а мучение. И даже смерть не смыла грязи.

А если бы Пушкин убил бы, разве он был бы счастливее? Грязь на его личной и семейной чести все равно осталась бы, хотя бы следами. А убийство пусть и недруга: вряд ли Пушкину свойственно было лермонтовское злорадство по поводу гибели врага⁶⁰ (да и Лермонтов уж так ли тождествен своему герою?). Эта кровь потом всю жизнь была бы перед глазами (не представляю, чтобы и Дантес мог потом стряхнуть, забыть эту жуть).

Нехорошо сопоставлять себя с великими, но не могу не привести личных наблюдений. Считаю, что теоретически и практически я вполне созрел, чтобы смертельного врага-обидчика отправить на тот свет. По крайней мере, во сне я однажды какого-то подонка, угрожавшего мне ножом, выволок за шиворот из автобуса, хватанул его за ноги и как чурку грохнул головой о гранитную обочину тротуара. Потом сутки переживал, да и потом часто в бессонные ночи этот эпизод встает именно как мучение, а не как победа и счастье. Тут я близок к нелюбимому Достоевскому: на грязи и крови счастье невозможно.

В редакции моя рецензия на Вас пока лежит без движения: хотят якобы собраться всей редколлегией и обсудить. Ну-ну.

А как я рад несказанно по поводу Вашей поездки в Норвегию — и по поводу Ваших описаний и чувств.

Обнимаю, шлю семейные приветы — и до скорой встречи!

Ваш Б. Егоров

---

⁶⁰ Лермонтов, в отличие от Пушкина, неоднократно описывал жестокую месть врагу вплоть до убийства, при этом создавал коллизии, когда герой готов был ради кровной мести убивать спящего, немощного старика, девушку (см. юношескую поэму «Каллы», 1830?). Пушкин, кажется, только единственный раз, в юности, изобразил жестокие мстительные угрозы в оде «Вольность» (1817): «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу» [Пушкин, 1: 47].

ЛИТЕРАТУРА

- Благой: *Благой Д. Д.* Лампада чистая любви // Литературная Россия. 1982. 8 января.
- Генри: *Генри Э.* Вторая часть жизни мерзавца // Звезда. 1980. № 2.
- Герштейн: *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964.
- Егоров 1994: *Егоров Б. Ф.* Книги Ю. М. Лотмана о Пушкине / Подг. текста Б. Ф. Егорова // Русская литература. 1994. № 1.
- Каверин: *Каверин В. А.* [Воспоминания о Ю. Тынянове] // Юрий Тынянов: Писатель и ученый: Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966.
- Казанский 1928: *Казанский Б. В.* Гибель Пушкина // Звезда. 1928. № 1.
- Казанский 1937а: *Казанский Б. В.* Гибель поэта // Литературный современник. 1937. № 3.
- Казанский 1937б: *Казанский Б. В.* Гибель Пушкина: Обзор литературы за 1837–1937 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] III.
- Карасев 1873: *Карасев А. А.* Казнь братьев Грузиновых. 27-го октября 1800 г. // Русская Старина. 1873. Т. VII, апрель.
- Карасев 1878: *Карасев А. А.* Евграф и Петр Осиповичи Грузиновы. Военно-судное дело, в Черкасске, 1800 г. // Русская Старина. 1878. Т. XXIII, октябрь.
- Кузовкина: *Кузовкина Т.* Ощущение свободы: Ю. М. Лотман о Пушкине: Отклики читателей // Вышгород. 1999. № 1/2.
- Лавров: *Лавров А. В.* Невидимка // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
- Лотман 1980: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя. М., 1980.
- Лотман 1981 (на титульном листе — 1982): *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся. Л., 1981.
- Лотман 1983а: *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся. Л., 1983. Изд. 2-е.
- Лотман 1983б: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. Изд. 2-е.
- Лотман 1984: *Лотман Ю. М.* «Дорогой друг!..» // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1984. Bd. 14.
- Лотман 1994: *Лотман Ю. М.* Письмо Ю. М. Лотмана к Б. Ф. Егорову. [Тарту, октябрь 1986] / Публ. Б. Ф. Егорова // Русская литература. 1994. № 1.

- Лотман 1995: *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
- Лотман 1997: *Лотман Ю. М.* Письма: 1940–1993 / Сост., подг. текста, вст. ст. и комм. Б. Ф. Егорова. М., 1997.
- Минц, Лотман: *Минц З. Г., Лотман Ю. М.* Памяти Мирослава Дрозды // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1992. Вып. 936. (= Тр. по знаковым системам, XXV)
- Модзалевский: *Модзалевский Б. Л.* Роман декабриста Каховского, казненного 13 июля 1826 года. Л., 1926. (= Труды Пушкинского дома при АН СССР, б. н.)
- Парнис: *Парнис А. Е.* О метаморфозах мавы, оленя и воина: К проблеме диалога Хлебникова и Филонова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи; Исследования. 1911–1998. М., 2000.
- Пушкин: *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. I, XIII.
- Хлебников: *Хлебников В.* Собрание произведений / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1933. Т. V.
- Щеголев 1916: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. Пг., 1916. (= Пушкин и его современники: Мат. и иссл. Вып. XXV/XXVII)
- Щеголев 1928: *Щеголев П. Е.* Пушкин: Исследования, статьи, материалы. Т. I: Дуэль и смерть Пушкина: Иссл. и мат. М.; Л., 1928.
- Drozda: *Drozda M.* Tartuska škola // Umjetnost riječi. 1969. Br. 1/2.